

RU

Юридические факторы как основа модели лингвистического исследования фейка

Ляшенко Д. И.

Аннотация. Цель исследования – разработка методологии юрислингвистических исследований фейковых сообщений с опорой на юридические факторы. Научная новизна исследования состоит в том, что выявлена система юридических и лингвистических факторов, а также установлены четкие корреляции между ними. В результате исследования обоснована ведущая роль юридических признаков фейка, которые детерминируют отбор соответствующих лингвистических параметров, систему вопросов, формулируемых правоприменителем, а также сам процесс первичной юридизации фейка. Учет дополнительных лингвистических признаков (коммуникативного импульса к совершению действия в интересах коммуникатора, задействования логического и эмоционального каналов воздействия на адресата, интенсификации предмета речи, семантики «неопределенности» и др.) позволяет повысить эффективность юрислингвистического исследования. Предлагаемая методология является основой для разработки цифровой модели идентификации фейковых новостей.

EN

Legal factors as the foundation for a model of fake news linguistic analysis

D. I. Lyashenko

Abstract. The study aims to develop a methodology for juridical linguistic analysis of fake news messages, relying on legal factors. The scientific novelty of the study lies in identifying a system of legal and linguistic factors, as well as establishing clear correlations between them. As a result, it was found that legal features of fake news play a dominant role, determining the selection of corresponding linguistic parameters, the system of questions formulated by law enforcement, and the initial juridification of fake news. Taking into account additional linguistic features (communicative impulse to perform an action in the interests of the communicator, the use of logical and emotional channels of influence on the recipient, intensification of the subject of speech, semantics of “uncertainty”, etc.) allows for an increase in the effectiveness of juridical linguistic analysis. The proposed methodology serves as the foundation for developing a digital model for identifying fake news.

Введение

Расширение сферы функционирования СМИ, проникновение во все новые области общественной жизни и стремление увеличить предполагаемую аудиторию потребляемого контента посредством продвижения выпускаемых материалов привели к увеличению числа как новостных ресурсов – источников распространения информации, так и самих информационных материалов. В результате отсутствия своевременной верификации данных такие сообщения часто не соотносятся с объективной действительностью. Такое правонарушение квалифицируется как распространение заведомо недостоверной информации или фейка.

Актуальность вышеуказанной проблемы определяется высоким уровнем социальной опасности воздействия фейковой информации в силу общественной значимости ее тематики, высокой скорости распространения, значительным охватом аудитории, а также внешним стилистическим и жанровым сходством с обычным медиадискурсом. Последнее значительно затрудняет идентификацию фейка, особенно автоматическую. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость противодействовать распространению сведений, противоречащих официальной позиции органов государственной власти, а также возрастающему количеству сообщений, которые не коррелируют с объективной действительностью и в результате распространения которых лицо (объект сообщения) утрачивает прежнюю привлекательность и значимость своего социального образа или положительную самооценку. Отсутствие четкой структуры лингвистической экспертизы фейков

связано в первую очередь с недостаточной разработанностью методики лингвоэкспертизы по соответствующей категории дел. С учетом того, что эксперт-лингвист осуществляет первичную юридизацию текста, все его исследовательские действия должны быть подчинены юридической логике, т. е. логике расследования соответствующего правонарушения. В этой связи целесообразно подробно рассмотреть юридические факторы, детерминирующие процедуру лингвистической экспертизы. Установление данных показателей позволит разработать четкую систему вопросов лингвоэкспертизы по делам о фейках, что будет способствовать углублению методик анализа в рамках юридической лингвистики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- установить юридические факторы, на которые необходимо опираться эксперту-лингвисту при производстве лингвистической экспертизы по делам о фейке;
- определить лингвистические характеристики фейка, коррелирующие с юридическими;
- выявить специфические лингвистические параметры фейка;
- разработать методику лингвистической экспертизы фейковых новостей.

Теоретическую базу составляют работы в области юридической лингвистики и основ лингвистической экспертизы (Меликян, 2012; 2015; Баранов, 2011; 2023; Чернышова, 2000), а также базовые положения теории фейков и немногочисленные методические разработки по проведению исследования фейковых материалов, определению лингвистической природы фейка (Ильченко, 2018; Иссерс, 2014) и его языковых маркеров (Стернин, 2021). Помимо этого, при проведении исследования за основу были приняты базовые положения теории лингвистической экспертизы фейков, представленные в работах отечественных ученых (Галяшина, 2019; Пром, 2022; Кузнецов, 2022), настаивающих на необходимости установления содержания и языковой формы сообщаемой информации, а также «вербализованных признаков “притворности”, маскировки дезинформирующего сообщения под правдоподобные, заслуживающие доверия новости» (Галяшина, 2019, с. 30). Так, В. О. Кузнецов (2022, с. 51) предлагает рассматривать форму высказывания (утверждение о фактах, мнение и т. д.) в качестве основного критерия лингвистической экспертизы фейков, однако при подобном подходе упускается из внимания деструктивный характер фейковой информации, что проявляется в стратегии дискредитации со стороны коммуникатора. Е. И. Галяшина (2019, с. 30), напротив, делает упор на жанровые характеристики фейка, предлагая эксперту-лингвисту устанавливать направленность сообщения (информационная, пропагандистская, рекламная или агитационная) для определения «функции сообщения» и интенции его создателя. Следует отметить, что информирование является нейтральной интенциональностью, что не учитывает деструктивную направленность фейка, а реклама и агитация, в свою очередь, предполагают доведение до реципиента достоверных сведений, в то время как фейк – это «заведомо ложная информация», распространяемая «под видом достоверной», несущая «угрозу кому-либо, чему-либо» (КоАП РФ, 2002, ст. 13.15).

Материалом для исследования послужили фрагменты Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), стандартизированный текст фейкового сообщения, распространявшегося в Telegram осенью 2022 года, а также привлеченный для анализа языковой материал из ряда лексикографических источников:

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: ЭКСМО, 2014 (далее – БТС).
- Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. Изд-е 3-е. М.: ИНФРА-М, 2006.
- КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.06.2009 № 112-ФЗ) // Собрание Законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 13.15.
- О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 3.
- Федоров А. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. М.: АСТ, 2008.

В рамках данного исследования представляется необходимым использовать методы дефиниционного анализа для определения значимых характеристик фейка, описательный метод – для установления целесообразности применения вопросов по другим категориям дел при анализе фейковых материалов, герменевтический метод – при уточнении формулировки вопросов лингвистической экспертизы по делам о фейках, а также методы логико-риторического, функционального и коммуникативного анализа, позволяющие исследовать фейковый материал на предмет наличия лингвистических и экстралингвистических признаков маскировки информации.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов при проведении лингвистической экспертизы продукции массмедиа. Основные положения и предложенная в данной работе классификация фейков могут быть использованы при разработке образовательных курсов, лекционных и практических занятий по юридической лингвистике, лингвокриминалистике, теории языка и смежным дисциплинам, а также при создании цифровой модели первичной обработки фейковых материалов, что позволит частично автоматизировать процесс распознавания фейков и значительно упростить его, исключив «нефейковые» тексты.

Обсуждение и результаты

Рассмотрим юридические признаки фейковых материалов, которые получили соответствующую интерпретацию в различных нормативно-правовых актах. Определяющими для характеристики фейка являются такие юридические признаки, как «заведомо недостоверная, общественно значимая информация», а также «наличие угрозы кому-либо, чему-либо». Согласно ст. 13.15 КоАП РФ и Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (<https://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_61798/), фейк создается с намеренным злым умыслом, что исключает возможность выделения такой его разновидности, как «фейки-ошибки», несмотря на то что некоторые лингвисты пытаются обосновать его существование (Брусенская, Барабаш, Куликова, 2022, с. 85). Еще одним значимым юридическим признаком, определяющим сущность феномена «фейк», выступает «распространение заведомо ложной информации под видом достоверной» (КоАП РФ, 2002, ст. 13.15), что указывает на обязательную маскировку репрезентируемых данных, а термин «распространение» подразумевает доведение данной информации до определенного (часто – значительного) круга лиц, потенциальных реципиентов, на которых направлено речевое воздействие. «Общественная значимость» фейковых сообщений, распространяемых в рамках современного медиадискурса, определяется актуальной социально-экономической и политической тематикой новостей, вызывающей значительную эмоциональную реакцию реципиентов. Последним юридическим признаком фейка, который необходимо учитывать при его юрислингвистическом исследовании, выступает угроза причинения вреда кому-, чему-либо (КоАП РФ, 2002, ст. 13.15), что зачастую определяет характер и форму интенции коммуникатора. Подобные характеристики являются ключевыми в рамках исследования фейка как объекта юридической лингвистики, что обуславливает обязательность их учета при проведении лингвистической экспертизы.

Установим лингвистические корреляты юридических признаков с учетом компонентов состава правонарушения «фейк»:

- заведомо ложная (недостоверная) информация – подмена ключевых компонентов денотата;
- заведомо ложная (недостоверная) информация – наличие деструктивной коммуникативной интенции;
- распространение заведомо ложной информации под видом достоверной – массовость (количество реципиентов);
- распространение заведомо ложной информации под видом достоверной – наличие лингвистических и экстралингвистических признаков маскировки информации, имплицитный характер истинной интенции;
- общественно значимая информация – актуальная для региона/страны тема;
- причинение вреда кому-, чему-либо – нарушение этоса (норм морали и нравственности) в структуре риторической модели воздействия.

Исследование фейковых материалов позволило установить ряд дополнительных лингвистических признаков, учет которых способствует расширению собственно лингвистического инструментария. Так, фейковым текстам, помимо стилевых и жанровых характеристик медиадискурса, свойственно наличие коммуникативного импульса к совершению действия в интересах коммуникатора, что реализуется посредством задействия, как правило, сразу двух каналов речевого воздействия на адресата – логического и эмоционального, подразумевающих трансформацию соответствующих сфер реципиента (когнитивной и эмоциональной) как результат воздействия. Еще одним собственно лингвистическим признаком фейка является интенсификация предмета речи, что реализуется при помощи приема преувеличения, а также различными языковыми средствами (Лихачева, 2012, с. 112):

- лексические средства (редупликация, плеоназмы, эвфемия, имена прилагательные и наречия с количественным значением, усилительные частицы, эмоционально окрашенные слова с негативными коннотациями, указательные местоимения с эмоционально окрашенным компонентом («этот», «такой» и др.));
- словообразовательные и морфологические средства (отдельные аффиксы, дейктические замены, многочисленные служебные эмфатические слова);
- синтаксические средства (инверсный порядок слов).

Чрезвычайно важным маркером фейка выступает семантика «неопределенности», что проявляется на двух уровнях – содержание и форма:

1) содержание:

- отсутствие значимых деталей (место, время, участники и т. д.);
- отсутствие источника информации (ссылок на экспертов, очевидцев описываемых событий);
- значение «условности» («если у вас есть..., то...»);

2) форма:

- неполнозначительные слова (модальные и дейктические слова, служебные части речи);
- эвфемия;
- неполные предложения;
- предложения с неопределенным субъектом действия;
- перегруженность предложений с точки зрения грамматической организации (длина предложений – 14-17 слов). Данный формальный показатель представляется особенно важным, т. к. нанизывание «лишних» деталей способствует блокировке критического мышления реципиента и смещению фокуса с действительно важных вопросов, позволяет запутать адресата.

Далее с опорой на выявленные юридические и лингвистические параметры фейка сформулируем вопросы, которые должны быть направлены на обнаружение данных признаков в соответствующем конфликтном тексте. Первый вопрос лингвистической экспертизы – традиционный: «Содержит ли текст информацию о лице?». Он позволяет установить объект правонарушения. В законе в качестве такого объекта предусмотрены физические и юридические лица, в отношении которых осуществляется распространение недостоверных сведений.

Следующий вопрос также касается объективной стороны правонарушения, связанной с характером содержания и формы конфликтного текста. Установление факта достоверности/недостоверности содержания текста относится к юридическим компетенциям. Эксперт-лингвист дает оценку лишь в отношении его коммуникативного смысла и формы. В связи с этим принципиально важным представляется вопрос «Содержит

ли текст негативную фактологическую информацию о лице (и в каких фрагментах)?», т. к. именно ее негативный характер порождает конфликт.

Далее необходимо оценить формы текста: «В какой форме – утверждение о фактах или оценочное суждение, мнение, убеждение – выражена эта негативная информация?». Такое разграничение форм высказывания законодательно закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (О судебной практике..., 2005). Лишь в первом случае рассматриваемый конфликт имеет судебную перспективу.

Следующий вопрос направлен на установление деструктивной авторской интенции коммуникатора (субъективная сторона правонарушения): «Содержатся ли в тексте лингвистические и/или экстралингвистические признаки маскировки коммуникативной стратегии автора? Если да, то какие?». Вопрос позволяет установить наличие одновременно двух коммуникативных стратегий автора в тексте: поверхностную, но ложную, и скрытую, реальную – нанести ущерб объекту правонарушения. К таким признакам маскировки традиционно относят элиминацию, эллипсис, умолчание, прием криптономазии и прочие фигуры двусмысленной речи (Дайлоф, 2019, с. 25).

Пятый вопрос направлен на выявление перлокутивного эффекта: «Утрачивает ли референт на самом деле прежнюю привлекательность и значимость своего социального образа или положительную самооценку?». Он позволяет вычленив в качестве основной коммуникативную стратегию деструктивного плана – причинение ущерба кому-, чему-либо, а также намеренный характер коммуникативного поведения данного вида. Уточнение размера ущерба осуществляется через установление факта распространения информации, определение объема аудитории воздействия, оценку степени общественной значимости недостоверной информации, выявление коммуникативного импульса к совершению действия в интересах коммуникатора, а также фиксацию анонимности автора и анонимности, неавторитетности и неverifiedируемости интернет-ресурса.

Далее проанализируем фейковое сообщение, которое распространялось в мессенджере Telegram в конце сентября 2022 года незадолго до референдума о присоединении ряда территорий к Российской Федерации, и выполним его юрислингвистическое исследование.

«Просим распространить:

В больницах города Луганска руководство отделений, пользуясь своим положением, используют паспортные данные больных для регистрации на референдум. Если у вас есть какая-либо информация про подобные ситуации на оккупированных территориях, сообщайте нам. Мы должны предать это огласке! t.me/lygaoper/21641».

Перед лингвистом-экспертом следует поставить следующие вопросы:

1. Содержит ли текст информацию о руководстве медицинских учреждений г. Луганска?
2. Содержит ли текст негативную фактологическую информацию о руководстве медицинских учреждений г. Луганска?
3. В какой форме – утверждение о фактах или оценочное суждение, мнение, убеждение – выражена эта негативная информация?
4. Содержатся ли в тексте лингвистические и/или экстралингвистические признаки маскировки коммуникативной стратегии автора? Если да, то какие?
5. Какова коммуникативная стратегия автора текста?
6. Утрачивает ли референт на самом деле прежнюю привлекательность и значимость своего социального образа или положительную самооценку?

Лингвистическое исследование

1. Содержит ли текст информацию о руководстве медицинских учреждений г. Луганска?

Текст исследуемой публикации содержит информацию о руководстве больниц г. Луганска, о чем свидетельствует употребление прямой номинации «руководство отделений» и косвенной номинации «на оккупированных территориях», которая имплицитно указывает на местоположение названных выше медицинских учреждений.

2. Содержит ли текст негативную фактологическую информацию о руководстве медицинских учреждений г. Луганска?

Текст представленной к анализу публикации содержит негативную фактологическую информацию о руководстве больниц г. Луганска, включающую в себя утверждения о неправомерных действиях представителей больниц г. Луганска, представленную в следующих высказываниях:

– «В больницах города Луганска руководство отделений, пользуясь своим положением, используют паспортные данные больных для регистрации на референдум».

– «Если у вас есть какая-либо информация про подобные ситуации на оккупированных территориях, сообщайте нам».

Оккупация. Временное насильственное занятие вооруженными силами какого-л. государства чужой территории. О. страны, города (БТС, 2014);

Насильственный. 1. Осуществляемый путем насилия, принуждения. Прибегнуть к насильственным мерам. Н-ая смерть (убийство) (БТС, 2014);

Насилие. 1. Применение грубой физической силы или морального давления. Применить н. при задержании преступника (БТС, 2014).

Данные фрагменты текста содержат обвинение в нарушении норм права в адрес руководства отделений больниц г. Луганска (в использовании служебного положения, нарушении закона о выборах), а также государственной власти РФ (в насильственном занятии ВС РФ территории Украины).

3. В какой форме – утверждение о фактах или оценочное суждение, мнение, убеждение – выражена эта негативная информация?

В практике лингвистической экспертизы разграничение между утверждением о фактах и оценочным суждением, мнением, убеждением осуществляется на основе установления значения объективной модальности. «Модальность – это функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» (Ляпон, 1990). Выделяется объективная (реальная, ирреальная) и субъективная модальность. «Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществленности)... Категория изъявительного наклонения (индикатива) включает в себе объективно-модальные значения реальности, т. е. временной определенности» (Ляпон, 1990). К утверждениям о фактах относятся высказывания, выражающие значение объективной реальной модальности, т. е. форму изъявительного наклонения настоящего или прошедшего времени. Оценочное суждение, мнение, убеждение выражает значение объективной ирреальной модальности (форма изъявительного наклонения будущего времени, повелительного и сослагательного наклонения). Суждения в форме мнения также имеют дополнительные маркеры – вводные слова и обороты (*по-моему, я считаю* и т. п.).

Высказывание «*В больницах города Луганска руководство отделений, пользуясь своим положением, используют паспортные данные больных для регистрации на референдум*» следует расценивать как утверждение о фактах, т. к. деепричастие «*пользуясь*» и простое глагольное сказуемое «*используют*» имеют форму изъявительного наклонения настоящего времени. Содержание данного высказывания мыслится как реально существующее, а потому подлежит верификации с точки зрения достоверности.

Высказывание «*Если у вас есть какая-либо информация про подобные ситуации на оккупированных территориях, сообщайте нам*» (глагол в форме повелительного наклонения 2-го лица множественного числа) репрезентирует значение императивности, а потому значение объективной ирреальной модальности, и не подлежит верификации с точки зрения достоверности.

Следует также отметить, что данный вопрос имеет относительную релевантность по делам о фейке. Суть в том, что ложная информация, репрезентированная в форме оценочного суждения, мнения или убеждения, также эффективно выполняет свою главную функцию – введение адресата в заблуждение, поэтому такой способ подачи информации следует рассматривать как средство маскировки фейкового характера сообщения.

4. *Содержатся ли в тексте лингвистические и/или экстралингвистические признаки маскировки коммуникативной стратегии автора? Если да, то какие?*

В данном случае сфера функционирования фейка – мессенджер Telegram, соответственно, сообщение маскируется под подобные тексты, типичные для этой сферы медиадискурса, для усложнения идентификации природы подделки. В исследуемом тексте выявлены лингвистические (лексико-семантические, грамматические и коммуникативные) и экстралингвистические признаки маскировки информации.

Рассмотрим лексико-семантические маркеры. В данном тексте функционирование подделки осуществляется благодаря многократной репрезентации семы «неопределенности» через элиминацию значимых для понимания текста деталей. Так, коммуникатор в качестве субъекта действия называет руководство больниц города Луганска, не конкретизируя представленную информацию. Соответственно, у реципиента возникает ряд вопросов, которые остаются без ответов: *какое руководство? Каких отделений? Каких именно больниц?* В представленном для анализа тексте также отсутствует информация о конкретном месте и времени описываемых событий: указаны лишь профиль учреждения – медицинский и населенный пункт – г. Луганск.

Кроме того, сема «неопределенности» репрезентирована в сообщении прилагательным «*подобный*» («*подобные ситуации*»), выполняющим дейктическую функцию (указывает, но не называет). В данном случае лексема «*подобный*» отсылает реципиентов к якобы описанной выше ситуации (сбор данных). Однако на самом деле ранее данная ситуация в тексте не была репрезентирована (*Подобный. 2.* Такой, как тот (о котором шла речь) (БТС, 2014)). Такая подача информации нарушает максимум количества (норму морали и нравственности, т. е. так называемое «неписаное» правило), согласно которой высказывание «должно содержать не меньше информации, чем требуется» для достижения поставленной коммуникантом цели (Grice, 1975, p. 4). Таким образом, имеет место нарушение этоса в модели риторического деструктивного/конфронтационного речевого воздействия.

В высказывании «*Если у вас есть какая-либо информация про подобные ситуации на оккупированных территориях, сообщайте нам*» придаточное предложение со значением «условия» («*если у вас есть...*») также репрезентирует сему «неопределенности», входящую в состав значения «условности». Это свидетельствует о том, что коммуникатор не уверен в реальном существовании данной информации.

Еще одним лексико-семантическим маркером фейка служит привлечение эвфемизмов («*пользуясь своим положением*», «*подобные ситуации*», «*передать огласке*» и т. д.), которые направлены на вуалирование информации, вследствие чего в тексте отсутствует какая-либо конкретика и продуцируется значение «неопределенности» («Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. Ими заменяются также табуированные названия, архаичные. Под эвфемизмами понимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» (Арапова, 1990, с. 590)). Так, эвфемистическая замена первого оценочного компонента «*злоупотребить*» фразеологизма «*злоупотребить своим положением*» более нейтральным синонимом «*пользоваться*» позволяет смягчить значение фразеологизма в целом, однако по-прежнему реализует коммуникативную тактику обвинения. В то же время конкретные сведения о том, как именно руководство отделений «использовало свое положение», отсутствуют, что в очередной раз актуализирует значение «неопределенности».

Среди грамматических показателей подделки в первую очередь следует выделить использование двусоставного ситуативно-неполного предложения *«просим распространить»*, где имеет место элиминация подлежащего. Отсутствие указания на личность коммуникатора также актуализирует сему «неопределенности» в отношении субъекта речи.

Дополнительным грамматическим фактором, характерным для фейковых новостей, является длина предложений 14-17 слов, которая создает нагромождение грамматических конструкций, пропозиций и смыслов и нацелена на запутывание реципиента. Так, в предложении *«В больницах города Луганска руководство отделений, пользуясь своим положением, используют паспортные данные больных для регистрации на референдум»* использованы обособленный деепричастный оборот и прием нанизывания родительного падежа. Данные средства языка типичны для официально-делового стиля, что противоречит стилистическим и жанровым характеристикам публицистического дискурса. Данный «конфликт» выступает в качестве маркера поддельного сообщения.

Кроме того, в представленном тексте присутствуют коммуникативные признаки, свидетельствующие о маскировке информации и направленные на реализацию коммуникативной стратегии автора текста. Так, можно выделить следующие коммуникативные маркеры, обеспечивающие успешное функционирование механизма подделки и регулярно используемые авторами фейковых новостей:

- отсутствие источника информации (ссылок на официальные источники, органы государственной власти, свидетелей и/или непосредственных участников, места и времени описываемых событий);
- наличие эксплицитного призыва к действию в интересах коммуникатора, а также «присоединение» автора высказывания к предполагаемым реципиентам для осуществления совместного действия посредством привлечения личного местоимения «мы» (*я + другие*).

Среди экстралингвистических признаков маскировки информации можно отметить среду функционирования сообщения – Telegram-каналы, что способствует увеличению потенциальной аудитории, а также получению быстрой ответной реакции. В то же время данное сообщение относится к политической и социальной сфере, что обуславливает повышенный интерес со стороны реципиентов. Кроме того, не представляется возможным установить личность автора высказывания, в то время как «вброшенная» информация распространяется непосредственно пользователями мессенджера пересылкой из канала в канал. Еще одним экстралингвистическим признаком являются неавторитетность и неverified-ресурса и высокая скорость распространения информации.

Все перечисленные выше признаки указывают на фейковую природу представленного сообщения.

5. Какова коммуникативная стратегия автора высказывания?

В представленном тексте реализуется стратегия дискредитации, направленная на обличение действий власти, в сочетании с имплицитным призывом к противодействию органам власти. В результате проведенного исследования были выявлены следующие фрагменты текста, содержащие негативную информацию в отношении руководства отделений медицинских учреждений г. Луганска:

- *«В больницах города Луганска руководство отделений, пользуясь своим положением, используют паспортные данные больных для регистрации на референдум».*

Приведем толкование лексического значения ключевой леммы *«пользоваться»*: *«Пользоваться. 2. Извлекать выгоду, пользу для себя из чего-л., использовать что-л. в своих интересах. II. слабостью беззащитного»* (БТС, 2014).

Данное высказывание способствует созданию негативного образа руководства отделений медицинских учреждений г. Луганска посредством привлечения фразеологического сочетания *«пользоваться своим положением»*. Для полной экспликации смысла анализируемого фрагмента высказывания необходимо рассмотреть значение данной фразеологической единицы. Она представляет собой подвергшийся трансформации фразеологический оборот *«злоупотреблять служебным положением»*, функционирующий в юридическом языке: *«Злоупотребление служебным положением – умышленное использование служебного положения из корыстных побуждений, как правило, вопреки деловым, общественным и государственным интересам, а также охраняемым законом правам граждан»* (Большой юридический словарь, 2010, с. 188). Эвфемистическая замена первого оценочного компонента фразеологизма *«злоупотребить»* более нейтральным синонимом *«использовать»* позволяет смягчить значение фразеологизма в целом, однако сохраняет его отрицательную коннотацию: *«Злоупотребить. 1. Употребить во зло, использовать незаконно или недобросовестно, во вред кому-, чему-л. 3. доверием, властью. 3. чьим-л. терпением, вниманием»* (БТС, 2014). Для реализации коммуникативной интенции в данном случае автор сообщения реализует коммуникативную тактику обвинения, тактику стимулирования отрицательной оценки и тактику принудительной фиксации внимания.

- *«Если у вас есть какая-либо информация про подобные ситуации на оккупированных территориях, сообщайте нам».*

Данное высказывание содержит констатацию факта о характере установления статуса территориальных единиц – указание на насильственный, по мнению коммуникатора, захват территории, о чем свидетельствует именное сочетание *«оккупированные территории»*, употребленное по отношению к городу Луганску. Причастие *«оккупированный»*, являясь глагольно-именной формой глагола *«оккупировать»*, сохраняет его значение, определяясь как признак по указанному действию:

Оккупировать. 1. Произвести – производить оккупацию чего-л. О. промышленные зоны страны (БТС, 2014);

Оккупация. Временное насильственное занятие вооруженными силами какого-л. государства чужой территории. О. страны, города. Пострадать от оккупации (БТС, 2014).

Более того, при проведении компонентного анализа семантической структуры леммы *«оккупация»* можно обнаружить репрезентирующий объективную негативную оценку компонент *«насильственный»*, *«насилие»*,

предполагающий «применение грубой физической силы», а иногда и нарушение правовых норм или норм морали и этики. Соответственно, коммуникатор, привлекая данную лексику, указывает на насильственный и несправедливый, незаконный, на его взгляд, захват территорий. Посредством привлечения рассмотренных выше языковых средств автор высказывания реализует тактику «анализ-минус», давая отрицательную оценку действиям вооруженных сил Российской Федерации, и тактику прямого императивного влияния, призывая реципиентов сообщать об интересующих его случаях принуждения к участию в референдуме.

– «Мы должны предать это огласке!».

Приведем толкование лексического значения ключевых лексем:

Предать огласке. книжн. То же, что предавать гласности что. [Дядя] говорит только о том, что в случае возникновения процесса фамилия Усковых попадает в газеты; по его мнению, дело следует потушить в самом начале и не предавать его огласке (Чехов. Задача) (Федоров, 2008);

Предавать гласности. книжн. Делать общеизвестным что-либо; опубликовывать. *Расхитят кассу в банке – вся пресса дружно и громко предаст гласности и кражу, и вора* (Гончаров. Литературный вечер) (Федоров, 2008).

Данное высказывание содержит в составе сказуемого краткую форму имени прилагательного «должен», которая выполняет волюнтаривную функцию и тем самым репрезентирует эксплицитный призыв обнародовать информацию о сложившейся ситуации, сделать ее публичной и имплицитное побуждение противостоять текущему положению дел. В то же время для смягчения семантики призыва коммуникатор использует эвфемизм «предать огласке», т. е. обнародовать информацию, «сделать общеизвестной». В данном случае успешная реализация коммуникативной тактики побуждения обусловлена наличием призыва к совершению конкретного действия для восстановления справедливости, по мнению автора высказывания.

6. *Утрачивает ли референт на самом деле прежнюю привлекательность и значимость своего социального образа или положительную самооценку?*

Руководство медицинских учреждений, а также органы государственной власти утрачивают прежнюю привлекательность и значимость своего социального/политического образа, положительную самооценку. В этом случае перлокутивный эффект носит негативный характер: сообщение войдет в противоречие с самооценкой объекта фейка и вызовет негативное отношение в адрес референта у предполагаемой аудитории.

Итак, в результате лингвистического анализа текста было установлено, что рассмотренное сообщение имеет ряд признаков маскировки информации, указывающих на фейковый характер материала, выраженный в форме утверждения о фактах. Неавторитетность и неverifiedируемость интернет-ресурса в комплексе с элиминацией значимых деталей свидетельствуют о желании коммуникатора запутать адресата, заблокировать критическое мышление в попытке установить истинность высказываний.

Заключение

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Необходимость разработки методологии и методик лингвистической экспертизы фейковых новостей в рамках современной юридической лингвистики связана с высокой общественной опасностью, увеличением числа фейковых материалов в медиадискурсе, а также со сложностью идентификации подделок в силу их сходства с классическим медийным дискурсом. В основе анализа фейковых материалов лежат юридические факторы, которые получают свою интерпретацию в лингвистической плоскости, но именно первые обуславливают логику юрислингвистического исследования. В результате нами были установлены юридические факторы (заведомая ложность, недостоверность информации, распространение недостоверных сведений под видом достоверных, общественная значимость и причинение вреда кому-, чему-либо) и их лингвистические корреляты (подмена ключевых компонентов денотата, деструктивная коммуникативная интенция и ее имплицитный характер, массовость, наличие лингвистических и экстралингвистических признаков маскировки информации, актуальная для региона/страны тема, нарушение этоса в структуре риторической модели воздействия). Помимо этого, был выявлен ряд дополнительных лингвистических признаков (стилевые и жанровые характеристики медиадискурса, коммуникативный импульс к совершению действия в интересах коммуникатора, задействование двух каналов речевого воздействия на адресата – логического и эмоционального, трансформация когнитивной и эмоциональной сфер реципиента, интенсификация предмета речи и наличие семантики «неопределенности»), учет которых позволяет корректно провести лингвистическую экспертизу по соответствующей категории дел в рамках компетенций эксперта-лингвиста. Предложенная система вопросов лингвистической экспертизы значительно облегчает процесс вторичной юридизации текста, осуществляемый правоприменителем. В качестве перспективы дальнейшего исследования можно назвать разработку цифровой модели первичной обработки фейковых материалов.

Источники | References

1. Арапова Н. С. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Баранов А. Н. Инструментарий лингвистики в лингвистической экспертизе: корпусные технологии // Язык. Право. Общество: сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. В. Барабаш. Пенза, 2023.
3. Баранов А. Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Юрислингвистика. 2011. № 11.

4. Брусенская Л. А., Барабаш В. В., Куликова Э. Г. Этико-речевые нормы современного русского языка: монография. М.: Флинта, 2022.
5. Галяшина Е. И. Феномен «фейка» в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: мат. международной научно-практической конференции. Иркутск: ВСИ МВД России, 2019.
6. Дайлоф Е. Л. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2019. № 11.
7. Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 5.
8. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2.
9. Кузнецов В. О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 17 (2).
10. Лихачева А. Б. Интенсификация высказывания как проявление русского коммуникативного стиля // Slavistica Vilnensis. 2012. Т. 57.
11. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
12. Меликян В. Ю. «Оскорбление религиозных чувств верующих»: юрислингвистическое параметрирование // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат. V-ой всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В. Ю. Меликян. Ростов н/Д: Дониздат, 2015. Вып. 6.
13. Меликян В. Ю. Типовые вопросы к лингвисту-эксперту и пределы компетенции лингвистики и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат. II-ой всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В. Ю. Меликян. Ростов н/Д: Дониздат, 2012. Вып. 2.
14. Пром Н. А. Фактоид VS фейк: идентификация и модели анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. № 4.
15. Стернин И. А. Маркеры фейков в медиатекстах. Воронеж: РИТМ, 2021.
16. Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика. 2000. № 2.
17. Grice H. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3.

Информация об авторах | Author information



Ляшенко Дарья Игоревна¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону



Darya Igorevna Lyashenko¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ dlyashenko@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.06.2024; опубликовано online (published online): 19.08.2024.

Ключевые слова (keywords): фейковые новости; первичная юридизация текста; речевое воздействие; лингвистическая экспертиза; юридическая лингвистика; fake news; initial juridification of text; speech influence; linguistic expertise; legal linguistics.